

БЕЛИНСКИЙ В.Г.

**МЫСЛИ И ЗАМЕТКИ
О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Виссарион Григорьевич Белинский

Мысли и заметки о русской литературе

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Мысли и заметки о русской
литературе**

Какова бы ни была наша литература, во всяком случае ее значение для нас гораздо важнее, нежели как может оно казаться: в ней, в одной ней вся наша умственная жизнь и вся поэзия нашей жизни. Только в ее сфере перестаем мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся к людям и с людьми.

В нашем обществе преобладает дух разъединения: у каждого нашего сословия все свое, особенное - и платье, и манеры, и образ жизни, и обычаи, и даже язык. Чтоб убедиться в этом, стоит только провести вечер, на котором) сошлись бы нечаянно чиновник, военный, помещик, купец, мещанин, поверенный по делам или управляющий, духовный, студент, семинарист, профессор, художник; увидя себя в таком обществе, вы можете подумать, что присутствуете при разделении языков... Так велико разъединение, царствующее между этими представителями разных классов одного и того же общества! Дух разъединения враждебен обществу: общество соединяет людей, каста разъединяет их. Многие ду-

мают, что спесь, остаток славянской старины, уничтожает у нас - социабельность (sociability {Общительность. - Ред.}). Если это и справедливо, то разве отчасти только. Положим, что дворянин неохотно сходится о людьми низшего звания; но люди низших званий чем не готовы пожертвовать для сближения с дворянином? Это их страсть! Но беда в том, что это сближение всегда бывает внешним, формальным), похожим на шапочное знакомство; самолюбию богатого купца льстит знакомство даже с бедным дворянином, но, перезнакомившись и с богатыми дворянами, он все же остается верен привычкам, понятиям, языку, образу жизни своего, то есть купеческого, звания. Этот дух особности так силен у нас, что даже и новые сословия, возникшие из нового порядка дел, основанного Петром Великим, не замедлили принять на себя особенные оттенки. Чему удивляться, что дворянин на купца, а купец на дворянина вовсе не походят, если иногда почти то же различие существует и между ученым и художником?.. У нас еще не перевелись ученые, которые всю жизнь остаются верными благородной решимости не по-

нимать, что такое искусство и зачем оно; у нас еще много художников, которые и не подозревают живой связи их искусства с наукою, с литературою, с жизнью. И потому, сведите *такого* ученого с *таким* художником, - и вы увидите, что они будут или молчать, или перекидываться общими фразами, да и те для них будут не разговором, а работою. Иной наш ученый, особенно если он посвятил себя точным наукам, смотрит с ироническою улыбкою на философию и историю, и на тех, кто ими занимается, а на поэзию, литературу, журналистику смотрит просто как на вздор. Так называемый наш "словесник" с презрением смотрит на математику, которая не далась ему в школе. Скажут: все это не дух разъединения, а дух полупросвещения или полуобразованности. Так! но ведь все эти люди получили первоначальное образование если не довольно глубокое, то довольно многостороннее: словесник учился еще в школе математике, а математик - словесности. Многие из них даже очень хорошо рассуждают, при случае, о том, что существует только искусственное разделение наук, а существенного

нет и быть не может, потому что все науки составляют одно знание об одном предмете - о бытии, что искусство так же, как и наука, есть то же сознание бытия, только в другой форме, и что литература должна быть наслаждением и роскошью ума равно для всех образованных людей. Но когда эти прекрасные рассуждения придется им приложить к делу, - тогда они сейчас же разделяются на цехи, которые посматривают друг на друга или с некоторою ироническою улыбкою и с чувством своего достоинства, или с какою-то недоверчивостию... Как же тут требовать социальности между людьми различных условий, из которых каждое по-своему и думает, и говорит, и одевается, и ест, и пьет?.. И однакож, несмотря на то, сказать, чтоб у нас все не было общества, значило бы сказать неправду. Несомненно то, что у нас есть сильная потребность общества и стремление к обществу, а это, уже важно! Реформа Петра Великого не уничтожила, не разрушила стен, отделявших в старом обществе один класс от другого; но она подкопалась под основание этих стен, и если не повалила, то наклонила

их набок, - и теперь со дня на день они все более и более клонятся, обсыпаются и засыпаются собственными своими обломками, собственным своим щебнем и мусором, так что починять их значило бы придавать им тяжесть, которая, по причине подрывного их основания, только ускорила бы их и без того неизбежное падение. И если теперь разделенные этими стенами сословия не могут переходить через них, как через ровную мостовую, зато легко могут перескакивать через них там, где они особенно пообвалились или пострадали от проломов. Все это прежде делалось медленно и незаметно, теперь делается и быстрее и заметнее, - и близко время, когда все это очень скоро и начисто сделается. Железные дороги пройдут и под стенами и через стены, туннелями и мостами; усилением промышленности и торговли они переплетут интересы людей всех сословий и классов и заставят их вступить между собою в те живые и тесные отношения, которые невольно сглаживают все резкие и ненужные различия.

Но начало этого сближения сословий между собою, которое есть начало образующегося

общества, отнюдь не принадлежит исключительно нашему времени: оно сливается с началом нашей литературы. Разнородное общество, сплоченное в одну массу только одними материальными интересами, было бы жалким и нечеловеческим обществом. Как бы ни велики были внешнее благоденствие и внешняя сила какого-нибудь общества, - но если в нем торговля, промышленность, пароходство, железные дороги и вообще все материальные движущие силы составляют первоначальные, главные и прямые, а не вспомогательные только средства к просвещению и образованию, - то едва ли можно позавидовать такому обществу... В этом отношении нам нельзя пожаловаться на судьбу: общественное просвещение и образование потекло у нас вначале ручейком мелким и едва заметным, но зато из высшего и благороднейшего источника - из самой науки и литературы. Наука у нас и теперь только укореняется, но еще не укоренилась, тогда как образование только еще не разрослось, но уже укоренилось. Лист его мелок и редок, ствол не высок и не толст, но корень уже так глубок, что его не вырвать ника-

кой буре, никакому потоку, никакой силе: вырубите этот лесок в одном месте, - корень даст отпрыски в другом, и вы скорее устанете вырубать, нежели устанет он давать новые отпрыски и разрастаться...

Говоря об успехах образования нашего общества, мы говорим об успехах нашей литературы, потому что наше образование есть непосредственное действие нашей литературы на понятия и нравы общества. Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже несколько поколений, резко отличающихся одно от другого, положила начало внутреннему сближению сословий, образовала род общественного мнения и произвела нечто вроде особенного класса в обществе, который от обыкновенного _среднего сословия_ отличается тем, что состоит не из купечества и мещанства только, но из людей всех сословий, сблизившихся между собою через образование, которое у нас исключительно сосредоточивается на любви, к литературе.

Если хотите понять и оценить влияние нашей литературы на общество, посмотрите на представителей ее различных эпох, поговори-

те с ними или заставьте их поговорить между собою. Литература наша так молода, так недавно началась, что и теперь еще можно встретить в обществе всех ее представителей. Первое замечательное русское стихотворение, написанное правильным размером, Ломоносова "Ода на взятие Хотина" явилась в 1739 году, ровно 107 лет тому назад, а Ломоносов умер в 1765 году, с небольшим 80 лет назад тому. Теперь, конечно, нет уже людей, которые видели бы Ломоносова хотя в детстве их, или, видевши его, могли бы помнить об этом; но и теперь еще много на Руси людей, которые по сочинениям Ломоносова научились любить поэзию и литературу и которые и теперь считают его таким же великим поэтом, каким все считали его в их время. Еще больше теперь людей, которые живо помнят и лицо и голос Державина и эпоху его полной славы считают лучшим временем своей жизни. Многие старики и теперь убеждены от всей души в высоком достоинстве поэм Хераскова, и давно ли маститый поэт Дмитриев жаловался печатно на неуважение молодых поколений к таланту творца "Россиады" и "Вла-

димира"? Есть еще много стариков, которые с умилением вспоминают о трагедиях Сумарокова и, при споре, готовы наизусть продекламировать лучшие, по их мнению, тирады из "Димитрия Самозванца". Другие из них, уже соглашаясь, что язык Сумарокова действительно очень устарел, укажут вам с особенным уважением на трагедии и комедии Княжнина, как на образец драматического пафоса и чистоты русского языка. Еще больше можно теперь встретить таких, которые ничего не станут говорить о Сумарокове и Княжнине, но тем с большим жаром и с большею уверенностью заговорят об Озере. Что же касается до Карамзина, - не только, старые, но и стареющие поколения беззаветно принадлежат ему душою и телом, чувствуют, думают и живут его духом, несмотря на то, что они не только читали Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова, но и восхищались всеми ими более или менее... Потом есть теперь люди, которые иронически улыбаются при имени Пушкина и с благоговением и восторгом говорят о Жуковском, как будто уважение к последнему не совместно с

уважением к первому. А сколько теперь людей, которые не понимают Гоголя и оправдывают свое предубеждение на счет его тем, что они понимают Пушкина!.. Но не думайте, чтобы все это были чисто литературные факты. Нет, если вы внимательнее присмотритесь и прислушаетесь к этим представителям различных эпох нашей литературы и различных эпох нашего общества, - вы не можете не заметить более или менее живого отношения между их литературными и их житейскими понятиями и убеждениями. Что же касается собственно до литературного их образования, - это люди, разделенные друг от друга как будто столетиями, потому что наша литература с небольшим во сто лет пробежала расстояние не одного века. И потому была большая разница между обществом, которое восторгалось громоздкими фразами высокопарных од и тяжелых эпических поэм, и обществом, которое ходило плакать на _Лизин пруд_; между обществом, которое жадно читало "Людмилу" и "Светлану", упивалось фантастическими ужасами "Двенадцати спящих дев" или нежилось в романтической задумчи-

вости под таинственные звуки "Эоловой арфы", - и между обществом, которое для "Евгения Онегина" забыло и "Кавказского пленника" и "Бахчисарайский фонтан", для "Горя от ума" - комедии Фонвизина, для "Бориса Годунова" - "Дмитрия Донского" Озерова (как некогда для последнего забыло оно "Дмитрия Самозванца" Сумарокова), а потом для Пушкина и Лермонтова как будто охолодело к поэтам, которые им предшествовали; для Гоголя совершенно забыло всех романистов и нувеллистов, которыми еще недавно так восхищалось... Подумайте только, какое неизмеримое пространство времени легло между "Иваном Выжигиным", который вышел в 1829 году, и между "Мертвыми душами", которые вышли в 1842 году... Это различие литературного образования общества перешло в жизнь и разделило людей на различно действующие, мыслящие и убежденные поколения, которых живые споры и полемические отношения, выходя из принципов, а не из материальных интересов, являют собою признаки возникающей и развивающейся в обществе духовной жизни. И это великое дело есть де-

ло нашей литературы!..

Литература была для нашего общества живым источником даже практических нравственных идей. Она началась сатирою и в лице Кантемира объявила нещадную войну невежеству, предрассудкам, сутяжничеству, ябеде, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которые она застала в старом обществе не как пороки, но как правила жизни, как моральные убеждения. Каков бы ни был талант Сумарокова, но его сатирические нападки на "крапивное семя" всегда будут заслуживать почетного упоминования от историка русской литературы. Комедии Фонвизина были еще более заслугою пред обществом, нежели перед литературою. Отчасти то же можно сказать и об "Ябеде" Капниста. Басня потому так хорошо и принялась у нас, что она принадлежит к сатирическому роду поэзии. Сам Державин, поэт по преимуществу лирический, был в то же время и сатирическим поэтом, как, например, в "Фелице", "Вельможе" и других пьесах. Наконец пришло время, когда в нашей литературе сатира перешла в юмор, который высказывается в художествен-

ном воспроизведении житейской действительности. Конечно, смешно было бы предполагать, чтоб сатира, комедия, повесть или роман могли исправить порочного человека; но нет сомнения, что они, открывая глаза общества на самого же его, способствуя пробуждению его самосознания, покрывают порочного презрением и позором. Недаром же многие у нас не могут без ненависти слышать имени Гоголя и его "Ревизора" называют "безнравственным" сочинением, которое следовало бы запретить. Равным образом теперь уже никто не будет так простодушен, чтобы думать, что комедия или повесть может взяточника сделать честным человеком, - нет, кривое дерево, когда оно уже выросло и потолстело, не сделаешь прямым; но ведь у взяточников так же бывают дети, как и у невзяточников: те и другие, еще не имея причин считать безнравственными яркие изображения взяточничества, восхищаются ими и незаметно для самих себя обогащаются такими впечатлениями, которые не всегда оказываются бесплодными в их последующей жизни, когда они делаются действительными членами об-

щества. Впечатления юности сильны, и юность то и принимает за несомненную истину, что прежде всего" поразило ее чувство, воображение и ум. И вот каким образом действует литература уже не на одно образование, но и на нравственное улучшение общества! Как бы то ни было, но это факт, не подлежащий никакому сомнению, что только в последнее время у нас начало делаться заметным число людей, которые нравственные убеждения стараются осуществлять на деле, в ущерб своим личным выгодам и во вред своему общественному положению...

Не менее этого неоспорим и тот факт, что литература служит у нас точкою соединения людей, во всех других отношениях внутренне разъединенных. Мещанин Ломоносов, за свой талант и свою ученость, достигает важных чинов, и вельможи допускают его в свой круг. С другой стороны, литература же сближает его с людьми бедными и ничтожными в гражданском отношении. Бедный дворянин Державин, за свой талант, сам делается вельможею, - и между людьми, с которыми сближала его литература, он нашел не одних меце-

натов, но и друзей. Казанский купец Каменев, написавший балладу "Громвал", приехав в Москву по делам, пошел познакомиться с Карамзиным, а через него перепознакомился со всем московским литературным кругом. {34}

Это было назад тому сорок лет, когда купцы хаживали только в передние дворянских домов, и то по делам, с товарами или за должком, об уплате которого смиренно докучали. Первые журналы русские, которых и самые имена теперь забыты, издавались кружками молодых людей, сблизившихся между собою через общую им всем страсть к литературе. Образованность равняет людей. И в наше время уже нисколько не редкость встретить дружеский кружок, в котором найдется и знатный барин, и разночинец, и купец, и мещанин, - кружок, члены которого совершенно забыли разделяющие их внешние различия и взаимно уважают друг в друге просто людей. {35}

Вот истинное начало образованной общест-венности, созданное у нас литературою! Кто из имеющих право на имя человека не пожелает от всей души, чтобы эта общественность росла и увеличивалась не по дням, а по

часам, как росли наши сказочные богатыри! Как все живое, общество должно быть органическим, то есть множеством людей, связанных между собою *внутренно*. Денежные интересы, торговля, акции, балы, собрания, танцы - тоже связь, но только внешняя, следовательно, не живая, не органическая, хотя и необходимая и полезная. Внутренне связывают людей общие нравственные интересы, сходство в понятиях, равенство в образовании и при этом взаимное уважение к своему человеческому достоинству. Но все наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша, сосредоточивалась до сих пор и еще долго будет сосредоточиваться исключительно в литературе: она живой источник, из которого просачиваются в общество все человеческие чувства и понятия...

Повидимому, нет ничего легче, а в *сущности* нет ничего труднее, как писать о русской литературе. Это потому, что русская литература все еще младенец, положим, младенец - Алкид, но все же младенец. А о детях вообще гораздо труднее сказать что-нибудь положи-

тельное, определенное, нежели о взрослых людях. Притом же наша литература, подобно нашему обществу, представляет собою зрелище всевозможных противоречий, противоположностей, крайностей, странностей. Это оттого, что она началась не сама-собою, а была сперва пересадком на нашу почву с чуждой нам почвы. {36} Поэтому об нашей литературе всего легче говорить крайностями. Доказывайте, что она не уступает в богатстве и зрелости ни одной европейской литературе и что мы можем десятками считать наших гениев и сотнями наших талантов; или доказывайте, что у нас вовсе нет литературы, что наши лучшие писатели - или случайные явления, или просто ничего не стоят: в обоих случаях вас по крайней мере поймут и ваше мнение найдет себз жарких последователей. Любовь к крайностям в суждениях - одно из свойств еще не установившейся натуры русской; русский человек любит или не в меру хвастаться, или не в меру скромничать. И потому у нас так много, с одной стороны, пустоголовых европейцев, которые с восхищением говорят о последней фельетонной сказке вы-

писавшегося французского беллетриста, или с амфазом поют новый водевильный куплет, давно забытый парижанами, - и с презрительным равнодушием или с оскорбительною недоверчивостию смотрят на гениальное произведение русского поэта, для которых Россия не имеет будущего, и в ней все дурно и ничего порядочного быть не может; а с другой стороны, у нас так много _квасных патриотов_, которые всеми силами _натягиваются_ ненавидеть все европейское - даже просвещение и любить все русское - даже сивуху и рукопашную дуэль. Пристаньте к одной из этих партий, - она сейчас же произведет вас в великие люди и в гении, тогда как другая - возненавидит и объявит бездарным человеком. Но во всяком случае, имея врагов, вы будете иметь и друзей. Держась же беспристрастно, _трезвого_ мнения об этом предмете, - вы восстановите против себя обе стороны. Одна из них обременит вас своим модным, популярным презрением; другая, пожалуй, объявит вас человеком беспокойным, опасным, подозрительным, ренегатом и будет писать на вас литературные донесения - разумеется,

публике {37}... Самое неприятное тут то, что вы не будете поняты и в ваших словах будут находить то неумеренные похвалы, то неумеренную брань, но не будут видеть в них верной характеристики факта действительности, как он есть, со всем его добром и злом, достоинствами и недостатками, со всеми противоречиями, которые он носит в самом себе. Это особенно прилагается к нашей литературе, которая представляет собою столько крайностей и противоречий, что, сказавши о ней что-нибудь утвердительное, тотчас же должно сделать оговорку, которая большинству публики, больше любящему читать, нежели рассуждать, легко может показаться отрицанием или противоречием. Так, например, сказавши о сильном и благотворном влиянии нашей литературы на общество и, следовательно, о ее великой для нас важности, мы должны оговориться, чтобы этому влиянию и этой важности не приписали больших размеров, нежели какие мы разумели, и таким образом не вывели бы из наших слов такого заключения, что мы не только имеем литературу, но еще и богатую литературу, которая сме-

ло может стать наравне с любой европейскою литературою. Подобное заключение было бы всячески ложно. У нас есть литература, и литература, богатая талантами и произведениями, если брать в соображение ее средства и молодость, - но наша литература существует только для нас: для иностранцев же она еще вовсе не литература, и они имеют полное право не признавать ее существования, потому что они не могут через нее изучать и узнавать нас как народ, как общество. Литература наша слишком молода, неопределенна и бесцветна для того, чтоб иностранцы могли видеть в ней факт нашей умственной жизни. Еще недавно была она робким, хотя и даровитым учеником, который поставлял себе за славу копировать европейские образцы, который за картины русской жизни выдавал копии с картин европейской жизни. И это составляет характер целой эпохи литературы нашей от Кантемира и Ломоносова до Пушкина. Потом, почувствовав свои силы, она из ученика сделалась мастером, и вместо того, чтобы копировать с готовых картин европейской жизни, простодушно выдавая их за ори-

гинальные картины русской жизни, она смело начала воспроизводить картины и европейской и русской жизни. Но пока еще только в первых была она вполне мастером, а во вторых только стремилась, и не всегда безуспешно, стать мастером. И это составляет характер периода нашей литературы от Пушкина до Гоголя. С появления Гоголя литература наша исключительно обратилась к русской жизни, к русской действительности. Может быть, через это она сделалась более одностороннею и даже однообразною, зато и более оригинальною, самобытною, а следовательно, и истинною. Теперь взглянем на эти периоды русской литературы в отношении к их значению не для нас, а для иностранцев. Нет никакой нужды доказывать, что Ломоносов и Карамзин имеют для нас великое значение; но попробуйте перевести их сочинения на любой европейский язык, - и вы увидите, станут ли иностранцы читать их, а если и прочтут, то много ли найдут в них интересного для себя. Они скажут: "мы давно уже прочли все это у себя дома; дайте нам русских писателей". То же бы самое сказали они и о сочи-

нениях Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Жуковского. Из всего этого периода был бы им интересен только один писатель - баснописец Крылов; но он решительно неперево­дим ни на какой язык в мире, и его могут оценить только те из иностранцев, которые знают русский язык и долго жили в России. {38} Итак целый период русской литературы решительно не существует для Европы. Что же касается до второго, - он может существовать для них, но только в известной степени. Если бы такие произведения Пушкина, как, например, "Моцарт и Сальери", "Скупой рыцарь", "Каменный гость", были переведены достойным их образом на какой-нибудь европейский язык, - иностранцы не могли бы не признать их превосходными созданиями поэзии, но тем не менее эти пьесы не имели бы для них почти никакого интереса как создания русской поэзии. То же можно сказать и о лучших произведениях Лермонтова. Ни Пушкин, ни Лермонтов не могут не терять от переводов, как бы ни хороши были переводы их сочинений. Причина очевидна: хотя в творениях Пушкина и Лермонтова видна душа русская, ясный,

положительный русский ум, сила и глубокость чувства, - однакож эти качества виднее нам, русским, нежели иностранцам, потому что русская национальность еще не довольно выработалась и развилась, чтобы русский поэт мог налагать на свои произведения ее резкую печать, выражая в них общечеловеческие идеи. А требования европейцев в этом отношении велики. И не мудрено: национальный дух европейских народов так самобытно и резко отражается в их литературах, что как бы ни было велико в художественном отношении произведение, не запечатленное резкою печатью национальности, - оно уже теряет в глазах европейца главное свое достоинство. В каком-нибудь Марриете, Бульвере или еще меньше значительном беллетристе английском вы так же точно видите англичанина, как и в Шекспире, Байроне, Вальтере Скотте. Жорж Занд и Поль-де-Кок представляют собою крайние стороны французского духа, и хотя первый выражает собою все прекрасное, человеческое и высокое, а последний - ограниченное и пошлое французской национальности, - однако вы сейчас видите,

что оба они равно могли явиться только во Франции. Какой-нибудь Клаурен или Август Лафонтен так же немцы, как Гете и Шиллер. В каждой из этих литератур писатель выражает своими сочинениями хорошую или слабую сторону своей родной национальности, и национальный дух, словно таможенный штемпель, лежит там как на произведении гения, так и на произведении бездарного писаки. Французы оставались в высшей степени национальными, изо всех сил подражая грекам и римлянам. Виланд остался немцем, подражая французам. Барьеры национальности непреходимы для европейцев. Может быть, это наша величайшая выгода, что нам равно доступны все национальности, и наши поэты так легко и свободно становятся в своих произведениях и греками, и римлянами, и французами, и немцами, и англичанами, и итальянцами, и испанцами; но эта выгода в будущем, как указание на то, что наша национальность должна выработаться широко и многосторонне. В настоящем же это пока скорее недостаток, чем достоинство, не столько широкость и многосторонность, сколько

невыработанность и неопределенность своего собственного личного начала.

И потому для иностранцев интереснее других были бы в хороших переводах те создания Пушкина и Лермонтова, которых содержание взято из русской жизни. Таким образом, "Евгений Онегин" был бы для иностранцев интереснее "Моцарта и Сальери", "Скупого рыцаря" и "Каменного гостя". И вот почему самый интересный для иностранцев русский поэт, есть Гоголь. Это не предположение, а факт, доказанный замечательным успехом во Франции перевода пяти повестей этого писателя, в прошлом году изданных в Париже г. Луи Виардо. {39} Этот успех понятен: кроме огромности своего художнического таланта, Гоголь строго держится в своих сочинениях сферы русской *житейской* действительности. А это-то всего и интереснее для иностранцев: они хотят через поэта знакомиться с страной, которая произвела его. В этом отношении Гоголь - самый национальный из русских поэтов, и ему нельзя бояться перевода, хотя, по причине самой национальности его сочинений, и в лучшем переводе не может не осла-

биться их колорит.

Но и этим успехом не должно слишком заноситься. Для поэта, который хочет, чтоб гений его был признан везде и всеми, а не одними только его соотечественниками, национальность есть первое, но не единственное условие: необходимо еще, чтоб, будучи *национальным*, он в то же время был и *всемирным*, то есть, чтобы национальность его творений была формою, телом, плотью, физиономиею, личностью духовного и бесплотного мира, общечеловеческих идей. Другими словами: необходимо, чтоб национальный поэт имел великое *историческое* значение не для одного только своего отечества, но чтобы его явление имело *всемирно-историческое* значение. Такие поэты могут являться только у народов, призванных играть в судьбах человечества всемирно-историческую роль, то есть своею национальною жизнью иметь влияние на ход и развитие всего человечества. И потому, если, с одной стороны, без великого гения от природы нельзя быть всемирно-историческим поэтом, то, с другой стороны, и с великим гением иногда можно быть не всемир-

но-историческим поэтом, то есть иметь важность только для одного своего народа. Здесь значение поэта зависит уже не от него самого, не от его деятельности, направления, гения, но от значения страны, которая произвела его. С этой точки зрения, у нас нет ни одного поэта, которого мы имели бы право ставить наравне с первыми поэтами Европы, - даже и в таком случае, если бы мы ясно видели, что со стороны таланта он не уступает тому или другому из них. Пьесы Пушкина: "Мощарт и Сальери", "Скупой рыцарь" и "Каменный гость" так хороши, что без всякого преувеличения можно сказать, что они достойны гения самого Шекспира; но из этого отнюдь не следует, чтоб Пушкин был равен Шекспиру. Не говоря уже о том, что есть большая разница в силе и объеме между гением Шекспира и гением Пушкина, - если бы Пушкин написал столько же и в такой же мере превосходного, сколько Шекспир, и тогда его равенство с Шекспиром было бы слишком смелою гипотезою. Тем более это теперь, когда мы знаем, что число и объем его лучших произведений так бедны в сравнении с числом и объе-

мом лучших произведений Шекспира. Вообще, мы скорее можем сказать, что в нашей литературе есть несколько произведений, которые мы можем, по их _художественному достоинству_, противопоставлять некоторым гениальным произведениям европейских литератур; но мы не можем сказать, чтоб у нас были поэты, которых мы могли бы противопоставлять европейским поэтам первой величины. Есть глубокий смысл в том, что мы нуждаемся в знакомстве с великими поэтами иностранных литератур и что иностранцы не нуждаются в знакомстве с нашими. Отношение наших великих поэтов к великим поэтам Европы можно выразить так: о некоторых пьесах Пушкина можно сказать, что сам Шекспир не постыдился бы назвать их своими, так же как некоторые пьесы Лермонтова сам Байрон не постыдился бы назвать своими; но, не рискуя впасть в нелепость, нельзя сказать наоборот, что под некоторыми сочинениями Шекспира и Байрона Пушкин и Лермонтов не постыдились бы подписать своего имени. Мы можем называть наших поэтов Шекспирами, Байронами, Вальтер Скоттами,

Гете, Шиллерами и пр. только для показания силы или направления их таланта, но не их значения в глазах всего образованного мира. Кого называют не своим именем, тот не может быть равен тому, чьим именем его называют. Байрон явился после Гете и Шиллера, - и остался Байроном, а не был прозван английским Гете или английским Шиллером. Когда для России придет время производить поэтов всемирного значения, - этих поэтов будут называть их собственными именами, и каждое имя такого поэта, оставаясь собственным, будет в то же время и нарицательным, будет употребляться и во множественном числе, потому что будет типическим.

Говоря, что русский великий поэт, будучи одарен от природы и равным великому европейскому поэту талантом, все-таки не может в настоящее время достигать равного с ним значения, - мы хотим этим сказать, что он может соперничествовать с ним только в *форме*, но не в *содержании* своей поэзии. Содержание дает поэту жизнь его народа, следовательно, достоинство, глубина, объем и значение этого содержания зависят прямо и непо-

средственно не от самого поэта и не от его таланта, а от исторического значения жизни его народа. Только сто тридцать шесть лет прошло с того вечно памятного дня, как Россия громами полтавской битвы возвестила миру о своем приобщении к европейской жизни, о своем вступлении на поприще всемирно-исторического существования, - и какой блестящий путь преуспевания и славы совершила она в этот короткий срок времени! Это что-то баснословно великое, беспрецедентное, нигде и никогда не бывалое! Россия решила судьбы современного мира, "повалив в бездну тяготевший над царствами кумир", и теперь, заняв по праву принадлежавшее ей место между первоклассными державами Европы, она, вместе с ними, держит судьбы мира на весах своего могущества... Но это показывает, что мы ни от кого не отстали, а многих и опередили в политическо-историческом значении - важной, но еще не единственной, не исключительной стороне жизни для народа, призванного для великой роли. Наше политическое величие есть несомненный залог нашего будущего великого значе-

ния и в других отношениях; но в одном в нем еще нет окончательного достижения до развития всех сторон, долженствующих составлять полноту и целость жизни великого народа. В будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль... Тогда будут у нас и поэты, которых мы будем иметь право равнять с европейскими поэтами первой величины...

Но теперь будем довольны тем, игр есть, не преувеличивая и не уменьшая того, чем владеем. По времени наша литература оказала огромные успехи, свидетельствующие несомненно о плодотворности почвы русского духа. Если еще не литература наша, то уже кое-что в литературе нашей начинает интересовать даже иностранцев. Интерес этот пока еще довольно односторонен, потому, что в произведениях русских поэтов иностранцы могут находить для себя только местный колорит, живопись нравов и обычаев столь резко противоположной им страны...

У нас исстари ведется обычай нападать то

на публику за ее будто бы равнодушие ко всему родному, а преимущественно к отечественным талантам, к отечественной литературе; то на критиков, будто бы старающихся унижать заслуженные авторитеты русской литературы. Мы не без причины поставили рядом оба эти обвинения: между ними так много общего. Начнем с первого. Неутомимые защитники нашей литературы, скромно величающие себя "патриотами" и "правдолюбам", больше всего жалуются на упадок нашей книжной торговли, на малый расход книг. Но факты говорят совсем другое; из них ясно как дважды два - четыре, что у нас хорошо расходятся даже сколько-нибудь порядочные книги, не говоря уже о превосходных. "Героя нашего времени", в продолжение _шести лет_, разошлось _три_ издания; стихотворений Лермонтова скоро потребуется третье издание, несмотря на то, что они все были первоначально напечатаны в журналах; "Вечера на хуторе" Гоголя печатались едва ли не четыре раза; "Ревизора" разошлись три издания; второе издание (1842 г.) сочинений Гоголя разошлось в числе трех тысяч экземпляров;

"Мертвые души", напечатанные в 1842 году, в числе двух тысяч четырехсот экземпляров, давно расхвачаны до последнего экземпляра. Даже повести графа Соллогуба, прочитанные публикою в журналах, вышли уже вторым изданием; "Тарантас", вероятно, тоже скоро появится вторым изданием. - Этих фактов достаточно. Говорят даже, что у нас не может не окупиться издание самой плохой книги, почему книгопродавцы и печатают так много "плохих" книг. Исключение, видно, остается только за сочинениями господ "правдолюб-
бов", жалующихся на то, что книги не идут с рук. Но это доказывает только, как невыгодно запаздывать талантом, умом и понятиями. В горести и отчаянии при мысли о залежавшемся товаре своего ума и фантазии эти господа вздумали свалить вину падения книжного товара на толстые журналы и на новую, будто бы ложную, школу литературы, основанную Гоголем. Оба эти обвинения стоят одно другого. Обвинители говорят, будто наша литература гибнет оттого, что в журналах печатаются целиком многотомные романы, истории и тому подобное. Они даже уверяют,

что сама публика недовольна этим. Конечно! для публики очень невыгодно за пятьдесят рублей в год приобретать столько сочинений, которые, будучи изданы отдельно, обошлись бы ей чуть ли не впятеро дороже!.. Как же после этого публике не жаловаться на журналы! Вам хочется, чтобы и книги, несмотря на то, шли своим чередом? - Издавайте их как можно дешевле и в большом количестве экземпляров: журналы вам не мешают. Несмотря на то, что книги и у нас сделались гораздо дешевле, нежели как были они лет за пятнадцать назад тому, когда крошечные альманахи, серенько издававшиеся, продавались по десяти рублей ассигнациями, а плохие переводы романов Вальтера Скотта и оригинальные "русские романы - по двадцати и больше рублей ассигнациями за экземпляр, - несмотря на то, книги у нас еще и теперь - страшно дорогой товар. Это, к несчастью, слишком хорошо знают те, кто считает за необходимое иметь в своей библиотеке сочинения всех известных русских писателей. Только в прошлом году вышло издание сочинений Державина, стоящее три рубли серебром, - тогда как

этим сочинениям давно бы следовало продаваться еще вдвое дешевле. Смирдинское издание сочинений Батюшкова стоит пятнадцать рублей ассигнациями. Первые восемь томов сочинений Жуковского теперь с трудом можно приобрести и за пятнадцать рублей серебром, потому что издание давно разошлось, а нового все нет как нет. Сочинения Пушкина, дурно изданные, стоят до шестидесяти рублей ассигнациями. "Мертвые души" Гоголя, продававшиеся по три рубли серебром, теперь нельзя купить меньше десяти рублей серебром, а о новом издании даже и не слышно. Как же процветать книжной торговле, когда публике нечего покупать, при всей ее охоте покупать? Скажут: у нас есть книгопродавцы-издатели, которые, вместо того чтобы наживаться, только разоряются от издания книг. Так, но многие ли из этих книгопродавцев знают толк в товаре, которым торгуют?.. Кто же тут виноват - неужели толстые журналы?..

Конечно, нельзя не согласиться отчасти и в том, что наша публика не совсем похожа, например, на французскую, в ее любви к оте-

чественным талантам и отечественной литературе. В Париже вышло новое издание (которое счетом - и сказать трудно) сочинений Гюго, в то самое время, когда Французская академия отказала ему в звании своего члена: публика изъявила свое неудовольствие тем, что в несколько дней раскупила все издание... У нас еще невозможны такие явления. Почти каждый образованный француз считает необходимым иметь в своей библиотеке всех своих писателей, которых общественное мнение признало классическими. И он читает и перечитывает их всю жизнь свою. У нас - что греха таить? - не всякий записной литератор считает за нужное иметь старых писателей. И вообще, у нас все охотнее покупают новую книгу, нежели старую; старых писателей у нас почти никто не читает, особенно те, которые всех громче кричат о их гении и славе. Это отчасти происходит оттого, что наше образование еще не установилось и образованные потребности еще не обратились у нас в привычку. Но тут есть и другая, может быть, еще более существенная причина, которая не только объясняет, но частью и оправдывает

это нравственное явление. Французы до сих пор читают, например, Рабле или Паскаля, писателей XVI и XVII века: тут нет ничего удивительного, потому что этих писателей и теперь читают и изучают не одни французы, но и немцы и англичане, словом, люди всех образованных наций. Язык этих писателей, и особенно Рабле, устарел, но *содержание* их сочинений всегда будет иметь свой живой интерес, потому что оно тесно связано с смыслом и значением целой исторической эпохи. Это доказывает ту истину, что только *содержание*, а не язык, не слог может спасти от забвения писателя, несмотря на изменение языка, нравов и понятий в обществе. Тут даже и талант, как бы он ни был велик, не составляет всего. Ломоносов чбыл великий, гениальный человек; его ученые сочинения всегда будут иметь свою цену; но его стихи для нас могут иметь только один интерес - как исторический (Клт рождающейя литературы, а больше никакого. Читать их и скучно и трудно. На это можно решиться по обязанности, а не по склонности. Державин был положительно одарен поэтическим гением; но его

эпоха так мало могла дать содержания для его творчества, что если его и читают теперь, то больше с целью изучения истории русской литературы, нежели для прямого эстетического наслаждения. Карамзин из торной, ухабистой и каменистой дороги латинско-немецкой конструкции, славяно-церковных речений и оборотов и, схоластической надутости выражения вывел русский язык на настоящий и естественный ему путь, заговорил с обществом языком общества, создал, можно сказать, и литературу и публику: заслуга великая и бессмертная! Мы признаем ее со всею охотою и считаем для себя не только за долг, но и за наслаждение быть признательными к имени знаменитого мужа; но все это не даст содержания "Бедной Лизе", "Наталье боярской дочери", "Марфе Посаднице" и пр., не сделает их интересными для нашего времени, и не заставит нас читать и перечитывать их! И обо многих писателях наших можно сказать то же. Нам возразят: "Таково было их время, они не виноваты, что родились в их, а не в наше время". Согласны, совершенно согласны; но мы и не виним их: мы только снимаем вину с

нашей публики; наша роль отнюдь не обвинительная, но чисто оправдывательная. О вкусах спорить трудно; но если кого из старых писателей Ваших можно читать с истинным удовольствием, так это Фонвизина. Его сочинения так похожи на записки или мемуары этой эпохи, хотя они и совсем не записки и не мемуары. Фонвизин был необыкновенно умный человек; он не хлопотал о высокопарной, иллюминированной стороне своего времени, но смотрел больше на его внутреннюю, домашнюю сторону. Потому сочинения его крайне интересны. О Крылове не говорим: все мы, раз заучив его в детстве, уже никогда не забываем.

Сказанное нами о Ломоносове, Державине и Карамзине многими принято будет за *flagrant delit* {Явное преступление.- Ред.} злостного унижения критикою наших литературных слав. В самом деле, улика налицо - и нам нет спасения! Но, как говорит русская пословица: "Страшен сон, да милостив бог!" К счастью, мнение об унижении критикою литературных слав со дня на день перестает быть мнением публики: теперь оно осталось

на долю самих же так называемых критиков, сделалось любимым орудием обиженных самолюбий, забытых известностей, падших талантов, выписавшихся сочинителей, - орудием, вполне достойным их!.. Кто не хочет превозносить их, или, еще более, кто не хочет замечать их; кто, говоря о знаменитых писателях, не хочет повторять готовых стереотипных и избитых фраз, быть эхом чужих мнений, но хочет, по своему разумению, по мере сил своих, судить независимо и свободно, оценить заслуги каждого писателя, показать его достоинства и недостатки, указать на его настоящее место и значение в русской литературе: что делать с таким критиком, особенно если его мнения находят отзыв в публике? - Больше нечего с ним делать, как кричать о нем сколько можно громче и чаще, что он унижает литературные славы, порочит Ломоносова, Державина, Карамзина, Батюшкова, Жуковского, даже Пушкина!.. Кстати, можно намекнуть, что он проповедует безнравственность, развращает молодые поколения, что он... по крайней мере - ренегат, если не что-нибудь еще хуже... Это тоже называется

"критикою"... Неужели *такая* критика находит еще себе последователей в публике?.. *Каких* - это другой вопрос, но что находит, это очень возможно, потому что наша читающая публика так же разнообразна, пестра и не единична, как и наше общество. Между нею есть люди, для которых "Ревизор" и "Мертвые души" - грубые фарсы, а "Сенсации госпожи Курдюковой" - остроумнейшее произведение; {40} есть люди, которые, как сказал Гоголь, "любят потолковать о литературе, хвалят Булгарина, Пушкина и Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А. А. Орлове". {41} Такие люди или такие чтецы (читателями их грех назвать) в критике видят или безусловную похвалу, или безусловную брань: им так легко понимать такую критику, от всякой другой у них закружилась бы голова, потому что им пришлось бы думать, что для них всего тяжелее и труднее. Когда является разбор сочинений писателя, написанный в духе истинной критики, отделяющий в авторе безусловные достоинства от условных, недостатки таланта от недостатков времени, - такого разбора помянутые чтецы не станут

читать; но им скажет о нем какой-нибудь присяжный их критик, какой-нибудь творец всякой всячины, который изо всей мочи хвалит себя да старых писателей, уже не опасных ему, и бранит наповал все даровитое в новом поколении. {42} Этот критик по-своему разберет для своих чтецов вновь явившийся разбор, вырвет из него по строчке, по слову из страницы и воскликнет: можно ли так унижать заслуженные авторитеты! И чтецы верят ему, потому что понимают его: он говорит им их языком, их понятиями, их чувствами, их вкусом - *les beaux esprits se rencontrent* {Взгляды умных людей совпадают. - Ред.}... Им, этим чтецам, и в голову не входит, что правда не унижает таланта, так же как и ошибочное мнение не вредит ему, что унижить можно только незаслуженную известность и что, следовательно, независимое суждение о литературе ни в каком случае не может быть вредно, но часто бывает полезно. Изобретатель такой критики уверит своих чтецов еще и в том, что критик, при имени которого он не может оставаться хладнокровным, хвалит только своих друзей; а чтецы и

верят печатному: где же им справляться, что этот критик, едва ли знаком лично с живыми писателями, которым он удивляется? - Это дело частное; и где же им сообразить, что он еще не родился на свет, когда умер Ломоносов, и не знал еще грамоте, когда умер Державин и когда были в полноте своей славы Карамзин и Жуковский, заслугам и гению которых он отдает полную справедливость, но только не с чужого голоса и не безотчетно? - Для соображения ведь нужна способность соображать. Гораздо легче поверить на слово тому, кто повторяет себе да и только: хвалит-де все своих приятелей...

Вообще вместе с удивительными и быстрыми успехами в умственном и литературном образовании проглядывает у нас какая-то незрелость, какая-то шаткость и неопределенность. Истины, в других литературах давно сделавшиеся аксиомами, давно уже не возбуждающие споров и не требующие доказательств, - у нас все еще не подвергались суждению, еще не всем известны. Вы, например, не написали никакой книги, а

между тем издаете журнал, пользующийся огромным успехом, - и ваши противники кричат, что ваш журнал плох, _потому что_ вы не написали никакой книги. {43} Это "потому что" очень оригинально! Да если журнал хорош, какое вам дело до того, написал или не написал его издатель книгу? - Вы занимаетесь критикою, и хоть настолько успешно, чтобы живо затронуть чужие мнения или пристрастия и нажить себе врагов: не думайте, чтобы ваши противники стали опровергать ваши положения, оспаривать ваши выводы. Нет, вместо всего этого, они начнут вам говорить, что, ничего не написавши сами, вы не имеете права критиковать других; что вы молоды, а между тем судите о произведениях людей, которые уже стары, и т. д. Подобные выходки хоть кого приведут в затруднительное положение, - не потому, чтобы трудно было отвечать на них, злостому именно, что слишком легко отвечать на них. Но у кого же достанет духу опровергать подобные мнения, с важностию доказывать, что можно не быть поваром - и верно судить о столе; не быть портным - и безошибочно сказать свое мне-

ние о достоинстве или недостатках нового фрака; - так же точно, как не уметь писать стихов, романов, повестей, драм - и быть в состоянии дельно и здраво судить о чужих произведениях; и что если в сфере гастрономии иметь тонкий вкус есть своего рода талант, - то тем более это в сфере искусства и что критика есть своего рода искусство. Есть истины, которые даже пошлы потому именно, что слишком очевидны, как, например, то, что летом тепло, а зимою холодно, что под дождем можно вымочиться, а перед огнем высушиться. А между тем у нас иногда необходимо защищать подобные истины всею силою логики и диалектики... Но это еще может быть только или смешно, или досадно, смотря по расположению вашего духа; но бывают явления, от которых не захочется смеяться. Вспомните только, что произведение, верно схватывающее какие-нибудь черты общества, считается у нас часто пасквилем то на общество, то на сословие, то на лица. От нашей литературы требуют, чтобы она видела в действительности только героев добродетели да мелодраматических злодеев и чтобы она и не подо-

зревала, что в обществе может быть много смешных, странных и уродливых явлений. Каждый, чтоб ему было широко и просторно жить, готов, если б мог, запретить другим жить... Писаки во фризовых шинелях, с небритыми подбородками, пишут на заказ мелким книгопродавцам плохие книжонки: что ж тут худого? Почему писаке не находить свой кусок хлеба, как он может и умеет? - Но эти писаки портят вкус публики, унижают литературу и звание литератора? - Положим так; но чтобы они не вредили вкусу публики и успехам литературы, для этого есть журналы, есть критика. - Нет, нам этого мало: будь наша воля - мы запретили бы писакам писать вздоры, а книгопродавцам издавать их... И откуда, от кого выходят подобные мысли? - из журналов, от литераторов!.. Между ними есть ужасные запретители: кроме своих сочинений, так бы все и запретили гуртом... Некоторые и на этом не остановились бы, но желали бы запретить продажу всяких других товаров, - даже хлеба и соли, кроме своих сочинений... Явился у нас писатель, юмористический талант которого имел до того сильное

влияние на свою литературу, что дал ей совершенно новое направление. Его стали порочить. Хотели уверить публику, что он - Поль-де-Кок, живописец грязной, неумытой и непричесанной природы. {44} Он не отвечал никому и шел себе вперед. Публика, в отношении к нему, разделилась на две стороны, из которых самая многочисленная была решительно против него, - что, впрочем, несколько не мешало ей раскупать, читать и перечитывать его сочинения. Наконец и большинство публики стало за него: что делать порицателям? Они начали признавать в нем талант, даже большой, хотя, по их словам, идущий и не по настоящему пути; но вместе с этим стали давать знать и намекали прямо, что юн, будто бы унижает все русское, оскорбляет почтенное сословие чиновников и т. п. Но эти господа хлопочут совсем не о чиновниках, а о самих себе: им бы хотелось заставить молчать всю современную литературу, чтобы публика, не имея ничего хорошего, поневоле принялась за чтение их сочинений и начала бы снова покупать их... И это все печатается, а публика читает, потому что если бы

этого никто не читал, - то это и не печаталось бы... Все мнения находят у нас место, простор, внимание и даже последователей. Что же это, если не незрелость и не шаткость общественного мнения? Но со всем этим, истина и здравый вкус все-таки идут твердыми шагами и овладевают полем этой беспорядочной битвы мнений. Если всякий ложный и пустой, но блестящий талант непременно пользуется успехом, то не было еще примера, чтоб истинный талант не был у нас признан и не получил успеха. Ложные авторитеты падают со дня на день. Давно ли слава Марлинского - этого жонглера фразы, казалась колоссальною? - теперь о нем уже и не говорят, не только не хвалят, даже и не бранят его. Таких примеров можно бы привести много. Все это доказывает, что и литература и общество наше еще слишком молоды и незрелы, но что в них кроется много здоровой жизненной силы, обещающей богатое развитие в будущем.

Раз где-то была высказана мысль, что у нас больше художественных, нежели беллетристических произведений, больше гениев,

нежели талантов. Как всякая самобытная и оригинальная мысль, она возбудила толки. И действительно, с первого взгляда эта мысль может показаться странным парадоксом; но тем не менее она справедлива в основании. Чтоб убедиться в этом, стоит только бросить беглый взгляд на ход нашей литературы, от ее начала до настоящего времени. Беллетрист есть подражатель, он живет чужою мыслию - мыслию гения. Правда, гении первого периода нашей литературы, до Пушкина, были не чем иным, как беллетристами, в отношении к европейским писателям, у которых они учились писать, заимствовали и форму и мысли; но в нашей литературе роль их была совсем другая. Кантемир подражал Горацию и Буало и со всем тем в русской литературе был совершенно оригинальным писателем, предметом удивления для современников, которые видели в нем *гения*, и уважения для потомства, которое видит в нем одно из замечательных лиц нашей литературы. Нечего и говорить в этом отношении о Ломоносове, Державине и Фонвизине: это были действительно гениальные люди, а второй из них даже был действи-

тельно гениальным поэтом. Но и Сумароков, Херасков, Петров, Богданович и Княжнин считались в их время, и даже долго после их смерти, великими поэтами. Сергей Николаевич Глинка - сей почтенный и всегда вдохновенный ветеран нашей литературы, и теперь считает их великими поэтами. И хотя наше время думает об этом совсем иначе, однакож оно не может не согласиться, что и мнение Сергея Николаевича Глинки и его времени имеет свое основание. {45} Первые деятели всякой литературы, а особенно подражательной, являются даже и потомству в таких больших размерах, которые уже не существуют для таких же талантов, но являющихся позже, уже во время успехов и развития литературы. Сумароков, по убеждению его современников, далеко оставил за собою и баснописца Лафонтена, и трагиков Корнеля и Расина, и сравнился с господином *Волтером*. Херасков был нашим Гомером, Петров - Пиндаром, Богданович - Зефир давал ему перо из своих крыл, и Амур водил его рукою, когда он писал "Душеньку"... Но много ли породили подражателей эти, положим, _условные гении_? Мно-

го ли породил подражателей сам Державин? Правда, торжественных од было в те блаженные времена написано и напечатано мильионы; но это оттого, что тысячи рук писали их, и если на каждую руку по одной оде - так уж выйдет страшный итог. Но много ли дошло до нас имен; талантливых беллетристов, порожденных движением, сообщенным нашей литературе ее первыми гениями? Положим, что у Сумарокова, Хераскова и "Петрова и не могло быть талантливых подражателей; но много ли было их у Державина? Несколько од написал Дмитриев; и немного больше написал их Капнист - вот и все... Оды обоих этих поэтов, по числу - ничто в сравнении с численным! богатством од Державина. А между тем так естественно, что беллетристу легче писать много, нежели его образцу; но у нас это всегда бывало наоборот. Макаров и Подшивалов, очень мало написавшие, особенно последний, действовали независимо от Карамзина; подражателями же Карамзина были Владимир Измайлов, князь Шаликов и, право, не помним, кто еще: так мало их было, и бывшие так мало и вяло писали! Влияние Жу-

ковского было обширнее: у него и теперь и всегда можно учиться переводить, стих его тоже всегда будет образцовым. Козлов, г. Ф. Глинка и частью г. Туманский были отголосками музыки Жуковского. Гений Пушкина породил еще более подражателей, у которых нельзя отрицать таланта и которые в свое время пользовались огромною известностью; но, все вместе взятые, они едва ли написали половину того, что написал один Пушкин, хотя и он написал не очень много, - и как скоро пережили они свой талант и свою известность! И теперь пишут многие; один сходит со сцены, то есть забывается (это у нас делается необыкновенно скоро), другой является, в сложности все производят довольно много (по крайней мере относительно), но каждый особенно пишет очень мало. И притом все претендуют на художественность, на творчество, никто не хочет быть просто рассказчиком, сказочником, беллетристом. Почти все пишут на заказ, зная вперед, сколько даст им каждая строчка, каждое слово, каждая запятая; но в то же время, все пишут и по вдохновению. Многие продают еще ненаписанные

повести, но не потому, что слишком много пишут и много получают заказов, а потому, что слишком мало пишут. Иной разразится повестью в год - и смотрит Наполеоном после аустерлицкой битвы. Удастся написать в год две повести: это уже равняется завоеванию всего мира. Оттого у нас нет беллетристики, и публике нечего читать. Все сколько-нибудь замечательные произведения каждого года (со включением сюда и таких, которые только что сносны) можно перечесть по пальцам. Во Франции это делается иначе: там пишут полосами, и каждый сколько-нибудь известный беллетрист исписывает ежегодно целые томы, чуть не десятки томов, не заботясь о том, за что примет его публика - за гения или просто за талант. Там беллетрист пишет гораздо более, чем художник-поэт: Жорж Занд написала много больше, нежели сколько у нас пишется многими в продолжение многих лет; но кипа сочинений Жоржа Занда в сравнении с кипой сочинений Ежена Сю или Александра Дюма - то же, что озеро в сравнении с морем или море в сравнении с океаном. Оно и естественно: творчество не покоряется

воле, и художнику нужно время обдумать и выносить в уме своем концептированную им мысль... В настоящем, в истинном значении этого слова, у нас было и есть только три беллетриста: это - гг. Булгарин, Полевой и Кукольник. Неутомимость их изумительна...

Из всех родов поэзии слабее других принялась у нас драма, особенно комедия. По крайней мере, хоть так называемая классическая трагедия имела у нас свое время развития и успехов. Трагедии Сумарокова дали пищу нашему рождающемуся театру и на только восхищали современников, но "Димитрий Самозванец" давался на провинциальных театрах еще в начале двадцатых годов текущего столетия. Трагедии и комедии Княжнина имели для своего времени неотъемлемое достоинство, - и вообще, можно сказать, что наше время много бы выиграло, если б теперь явился такой умный и ловкий заимствователь по части драматической литературы, каким для своего времени был Княжнин. Еще выше его был Озеров. Из этого видно, что классическая трагедия у нас развивалась в

продолжение целых трех поколений. Явился романтизм - и пошли романтические драмы, кровавые, страшные, эффектные, наконец, даже народные, но вместе с тем больше бестолковые и пустые. Теперь уж и они пишутся только для бенефисов, да и то все реже и реже. Есть надежда, что скоро они и совсем прекратятся. И хорошо! лучше вовсе ничего, нежели много великолепного или какого бы то ни было вздору! {46}

Но и в деле драмы, еще больше чем где-нибудь, оправдалось положение, что у нас во всем больше гениев (хотя их и очень мало), нежели талантов. Пушкин, в своем "Борисе Годунове", дал нам истинный и гениальный образец народной драмы; но потому-то, может быть, он и остался без всякого влияния на нашу драматическую литературу, что был слишком истинен и гениален. {47} По крайней мере, ни на одном драматическом произведении, с признаками таланта, не отразилось влияние "Бориса Годунова". Скажут: это оттого, что ни одной драмы с признаками таланта никогда не появлялось у нас. Правда! но отчего же у нас появлялись и появляются

поэмы в стихах, с признаками таланта, да иногда еще и замечательного, доказывающие, как сильно и плодотворно влияние Пушкина и Лермонтова на нашу литературу?.. После "Бориса Годунова" лучшее драматическое произведение в народном духе принадлежит Пушкину же: это - "Русалка". Его драматические поэмы: "Сцена из Фауста", "Моцарт и Сальери", "Скупой рыцарь", "Каменный гость", тоже не отозвались в русской литературе никакими сколько-нибудь счастливыми опытами. А между тем все драматические опыты Пушкина - великие художественные создания...

Такова же участь и нашей комедии: или что-нибудь необыкновенное, или - меньше чем ничего. О русских комедиях до Фонвизина почти нечего и говорить: это были или переводы, или переделки (и в этом отношении труды Княжнина заслуживают уважения); но как оригинальные русские комедии - это было странное уродство. "Бригадир" и "Недоросль", не будучи художественными произведениями в строгом смысле этого слова, тем не менее были гениальными созданиями. По их

характеру их можно назвать верными и меткими сатирами в форме комедии. Были им подражания, но уродливые и нелепые. Впрочем, хоть и поздно, но их влияние отозвалось в комедии Основьяненко "Дворянские выборы" - произведении, имеющем свои недостатки, но и не без достоинств. Между "Бригадиром" и "Недорослем" Аблесимов как-то обмолвился премилым народным водевилем. {48}

Это была случайность, хотя и прекрасная; ей и следовало остаться без последствий для литературы. "Ябеда" Капниста замечательна больше по цели, нежели по выполнению. Теперь должно перейти прямо к "Горе от ума" Грибоедова, потому что множество комедий, написанных в стихах и прозе, в промежутке времени от Фонвизина до Грибоедова, не стоят упоминования. "Горе от ума" - эта наполовину художественная, наполовину сатирическая комедия, этот высокий образец ума, остроумия, таланта, гениальности, злого, желчного вдохновения. - "Горе от ума" до сих пор остается единственным произведением в нашей литературе, в роде которого ни один талант не решился попытать своих сил. {49} От

комедии Грибоедова должно перейти прямо к "Ревизору". Кроме этой в высочайшей степени художественной комедии, исполненной глубочайшего юмора и поразительной истины, Гоголь еще написал небольшую комедию - "Женитьба", и несколько сцен, которых нельзя назвать комедиями по их объему и которые относятся к комедии, как повесть относится к роману. Все эти сцены носят на себе резкую печать таланта автора "Ревизора" и, подобно ему, до сих пор остаются в нашей литературе уединенными памятниками среди широкой песчаной степи, где не видно ни дерева, ни былинки... Были, правда, две или три попытки, не совсем неудачные, но слишком нерешительные...

Односторонность во взгляде на предметы всегда ведет к ложным выводам, хотя бы этот взгляд не был лишен глубокости и проницательности. Способность убеждения, одна из прекраснейших способностей человеческой Природы, при односторонности, ведет к фанатизму. Литературный фанатизм так же глух и слеп, как и всякий другой, особенно, когда он

живет во имя теории. Немецкие эстетические теории так хорошо принялись на восприимчивой почве нашего недавнего образования, что нашли себе таких жарких и фанатических последователей, на которых и в самой Германии, особенно теперь, посмотрели бы как на чудо теоретического исступления. Для неисправимых фанатиков этого рода французская литература и французское искусство есть истинный камень преткновения: не понимая их и упорствуя сознаться в этом, они ни мало не затрудняются не признавать их существования. Это, впрочем, не удивительно: ведь некоторые историки времен реставрации настаивали же на том, что Наполеон был - полководец Лудовика XVIII?.. В самом деле, с чисто теоретической точки зрения, не прибегая к живому историческому созерцанию, не много хорошего можно найти во французской литературе, восторгаясь немецкою. Немецкая эстетика вышла из ученого кабинета, а немецкая поэзия вышла из немецкой эстетики. Чтоб убедиться в этом, стоит только вспомнить, как писал, впрочем, гениальный Шиллер: в "Валленштейне" все было

им не только заранее) обдуманно, но и доказанно и оправдано, все вышло из теории, и автор писал эту драму восемь лет. Шиллер хотел писать эпическую поэму из жизни Фридриха Великого; но хотел за нее приняться не прежде, как сперва развивши философски теорию эпической поэмы нового времени. Все эти явления, немного странные, чтобы не сказать уродливые, и много повредившие гению Шиллера, как и других немецких поэтов, вышли прямо из социального положения немцев, тихого, семейного, созерцательного, кабинетного. Французская литература, напротив, вся вышла из общественной и исторической жизни и тесно слита с нею. Поэтому о французской литературе нельзя судить по готовой теории, не впадши в односторонность и не доходя до ложных выводов. Трагедии Корнеля, правда, очень уродливы по их классической форме, и теоретики имеют полное право нападать на эту китайскую форму, которой поддался величавый и могущественный гений Корнеля вследствие насильственного влияния Ришлье, который и в литературе хотел быть первым министром. Но теоре-

тики жестоко ошиблись бы, если бы, за уродливою псевдоклассическою формою корнелевских трагедий, проглядели страшную внутреннюю силу их пафоса. Французы нашего времени говорят, что Мирабо обязан Корнелю лучшими вдохновениями своих речей. После этого удивляйтесь французам, что они забывают скоро свои романтические трагедии а la Шекспир и до сих пор читают и всегда будут читать старого Корнеля. Каждый из знаменитых их писателей неразрывно связан с эпохою, в которую он жил, и имеет право на место не в одной истории французской литературы, но и в истории Франции. Здесь все мысли о творчестве имеют уже несколько другое значение, нежели какое имеют они в немецкой литературе: они должны разделить свою власть и силу с мыслями об обществе и его историческом ходе. У нас есть люди, которым удалось понять, что "Ревизор" есть глубоко творческое и художественное произведение и что ни одна комедия Мольера не выдержит эстетической критики. Они правы в этом отношении, но не правы в выводе, который они делают из этого факта. Действительно, ни

одна комедия Мольера не выдержит эстетической критики, потому что все они больше сделаны, нежели созданы, часто сбиваются на фарс, или по крайней мере допускают в себя фарс (как, например, ложные: муфтий, дервиш и турки в "Le Bourgeois-gentilhomme" {"Мещанин во дворянстве" - комедия Мольера. - Ред.}); пружины их действия всегда искусственны и однообразны, характеры абстрактны, сатира слишком резко выглядывает из-под формы поэтического изобретения и т. д. Но вместе с этим Мольер имел огромное влияние на современное ему общество и высоко поднял французский театр, - что мог сделать только человек даже не просто с талантом, а с гением. Чтобы судить о его комедиях, их надо не читать, а видеть на сцене, и притом непременно на французской сцене, потому что их сценическое достоинство выше драматического. Французы не имеют права гордиться именно тою или вот этою комедиею Мольера; но имеют полное право гордиться комедиями, или, лучше сказать, театром Мольера, потому что Мольер дал им целый театр. То же можно сказать и о Скрибе. Нель-

зя указать ни на одну его драму, ни на один водевиль, как на художественное произведение, которое всегда будет иметь свою цену; но можно сказать утвердительно, что театр Скриба всегда будет иметь свою цену, а теперь ему и цены нет: так он важен для современного общества, составленного из всех классов, образованных и необразованных, которые стекаются в театр, чтобы видеть на сцене самих себя...

У нас есть несколько высокохудожественных комедий, которые, по своему числу, не могут составить постоянного репертуара для театра и которые, при всем их достоинстве, смертельно надоели бы всем, если бы, кроме их, ничего не давалось на театре, потому что одно и вечно одно всегда надоедает...

У французов, положим, нет ни одной художественной комедии, но зато есть театр, который существует для всех и в котором общество и учится, и эстетически наслаждается...

На чьей стороне выгода?..

Пусть решат читатели. Наше дело - сторона.

Чем отличается гений от таланта? - Вопрос очень важный, тем более что его решают всегда очень мудро. Не беремся, но попытаемся объяснить его просто. Что гений и талант дается природою, что тот и другой есть, так сказать, свойство самого организма человека, как свет и теплота есть свойство огня, - об этом нечего и говорить, как о предмете, насчет которого давно согласились все. Вопрос в различии гения от таланта, и наоборот.

Кому не случалось встречать множество людей, которые любят, например, читать, следят за литературою и хотят судить о ней; но которые тогда только смело судят о новой книге, когда успели прочитать о ней суждение журнала, пользующегося их безусловною доверенностию, и которые чувствуют себя в самом затруднительном положении, если рецензия или критика на книгу, наделавшую шуму, долго не является в их журнале? Кому не случалось встречать людей, которые готовы судить обо всем, но лишь кто-нибудь резко возразит им, они тотчас же отказываются от своего мнения и безусловно соглашаются с мнением возразившего? Это люди без мне-

ния, без способности иметь мнение, люди, которые могут быть сильны только чужим мнением и для которых авторитет есть необходимость первого разряда. Надобно заметить, что у людей этого рода очень сильно развит инстинкт чувствовать чужую силу и всегда узнавать ее. Между тем это могут быть совсем неглупые люди: для них существуют доказательства, у них есть судительная способность, но только эта. способность у них лишена самостоятельности и требует опоры в авторитете. Толпа большею частью состоит из таких людей, и ею всегда и везде управляют люди с большею или меньшею самостоятельностью мнения. И вот причина, почему толпа не долго увлекается ложным и уродливым и рано или поздно, но всегда признает достоинство истинного и прекрасного: за нее действуют другие, а она только повинуется. Без этой нравственной дисциплины в понятиях людей не было бы единства, но была бы страшная анархия.

Талант, как _способность делать, производить_, относится больше к форме создания, и с этой точки зрения, талант - есть сила внеш-

няя, которая может существовать в человеке независимо от ума, сердца и других интеллектуальных и нравственных сторон человеческой природы. Но для формы нужно содержание, - и вот здесь-то получает всю свою важность самостоятельная деятельность духовных сил человека. Если есть люди, которые лишены способности иметь о вещах свое мнение и которые принимают чужое мнение целиком, как что-то готовое, о чем им уже нечего больше и думать; то есть люди, которые, вечно живя чужим мнением, имеют способность усвоить его себе, развивать, выводить из него новые следствия, находить чрез него на другие мысли, - и эта способность до того обманывает людей этого рода, что они очень добросовестно убеждены в самостоятельности своей собственной мыслительности. И они почти правы в этом: натуры живые и восприимчивые, они сами не знают и не помнят, от кого зашла к ним та или другая мысль, потому что все извне легко и быстро пристает к ним почти бессознательно, инстинктивно. Им стоит только поговорить с умным человеком или прочесть хорошую

книгу, чтобы в них тотчас же возбудился целый ряд новых мыслей, которые они не могут не принять за свои собственные. Эти люди, управляясь другими, в свою очередь, имеют большое влияние на толпу. Они довольно часто встречаются на свете; особенно их много бывает в столицах. Вообще, чем просвещеннее и образованнее общество, тем больше в нем таких людей. Наконец есть люди (таких очень мало), которые действительно обладают способностью творческой самостоятельности своих способностей. Они на все смотрят как-то особенно, оригинально, во всем видят именно то, чего, без них, никто не видит, а после них все видят и все удивляются, что прежде этого не видели. Эти люди совсем не хитрые и не мудреные: они все понимают просто, но их простое понимание сначала кажется всем очень мудреным, а иногда безумным и нелепым, а потом кажется уже столь простым, что нет глупца, который не подивился бы, как ему не пришло этого в голову - ведь это так просто! Когда Колумб собирался открыть Америку, - на него все смотрели, как на помешанного мечтателя, а когда он от-

крыл Америку, то почти никто не хотел признать в этом даже заслуги, потому что открытую Америку всем казалось так легко открыть!..

Говоря об этих трех разрядах людей, мы хотели сказать о _толпе, таланте_ и _гении_...

В наше время талант не редкость во всем, но особенно в литературе. Просто нипочем! Его часто даже смешивают с гением. И не мудрено, нужен своего рода большой талант, чтобы с первого разу отличить талант от гения. Это приводит нас на память то место из повести известного французского писателя нашего времени, где он так рассказывает об авторстве своего героя. "Он признавался, что все начатое им принимало, после первых десяти строк, трех или четырех стихов, такое сходство с писателями, которых читал он, что он краснел, видя себя способным только на подражание. Он показал мне несколько стихов и фраз, под которыми Ламартин, Виктор Гюго, Поль Курье, Шарль Нодье, Бальзак и даже Беранже могли бы подписать имена свои. Но все эти опыты, которые можно бы назвать отрывками из отрывков, служили бы,

в сочинениях тех писателей, для украшения индивидуальных идей; но этой-то индивидуальности и не было у Ораса. Если он хотел выразить какую-нибудь идею, вы тотчас и увидели бы (он и сам тотчас же видел) явную кражу: идея эта была не его; она принадлежала этим писателям, принадлежала всем, только не ему". {50}

Вот вечная история таланта! Конечно, она не всегда бывает именно такою, как представлена в словах автора, на которого мы сослались; но сущность ее всегда такова. Как бы талант ни был велик, он не может наложить печати своей личности на свои произведения, и потому не может быть оригинален и самобытен. Как бы ни велика была его способность усвоить себе чужие идеи, он не надолго скроет, что его вдохновение не бьет живым родником из тайников его натуры, но есть только "пленной мысли раздраженье". Но зато, как бы ни тесна и ни ограничена была сфера таланта, но если на его произведениях виден тот резкий отпечаток личности, который делает произведения так оригинальными, что под них невозможно подделаться, - тогда это

уже не талант, а гений. К числу *таких* гениальных поэтов принадлежит в нашей литературе баснописец Крылов.

**This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
20.05.2008**